

Л. П. Водясова

ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск

**Перифрастическая лексика как средство создания связности текста
в мордовских языках¹**

**Circumlocution as a means of creating a cohesive text
in mordovian languages**

УДК 811.511.152

Аннотация. Перифраз (перифраза) относится к имплицитному типу смыслового повторения элементов текста. Это один дублирующих повторов, соотносящийся с конкретной единицей текста как определяющее с определением. Лексическая близость определенных членов смежных предложений служит показателем их структурной соотнесенности и заменяется перифразами. Структурные отношения в предложениях такие же, как и в предложениях с лексическим повтором: «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее» и т. д.

Summary. Circumlocution refers to the implicit type semantic repetition of text elements. This is a duplicate retries, which are associated with a specific unit of text as that of definition. Lexical proximity of certain members of the related proposals is an indication of their structural relevance and is replaced by circumlocution. Structural relations in a sentence are the same as in the proposals with lexical repetition: «subject – subject to», «subject – addition», «addition – subject» and so on.

Ключевые слова: связность текста, повторение элементов текста, перифраза, имплицитный тип смыслового повторения.

Keywords: text cohesion, repeating text element, circumlocution, implicit type semantic repetition.

В лингвистике текста до настоящего времени не теряет своей актуальности проблема изучения языковых единиц с точки зрения их грамматической организованности. Практически весь текст, его параметры и элементы упорядочиваются таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, последовательно реализующуюся в акте коммуникации в соответствии с установкой автора. Смысловая и формальная стороны организации текста по этой причине не хаотичны, не случайны. Они созданы в соответствии с определенными закономерностями.

В создании связности текста большую роль играют разнообразные скрепы – средства межфразовой связи (МФС). «Межфразовая связь, – указывает Л. М. Лосева, – это связь между предложениями, ССЦ, абзацами, главами и другими частями текста, организующая его смысловое и структурное единство» [1, 9]. Ее наличие приводит к смысловой зависимости предложения от предшествующего или последующего контекста.

Средства МФС по своему составу не однородны. Они подразделяются на лексические и грамматические. Связь компонентов текста с их помощью происходит эксплицитно или имплицитно.

Большую роль в создании связности текста, в его завершенности и монотемности играют лексические скрепы, т.е. разнообразные самостоятельные лексические единицы. С их помощью достигается идентичность сообщаемого, движение события, сосредоточение внимания на определённом моменте, информация о некоторых новых элементах в акте рече-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и Правительства Республики Мордовия («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006a/B

творчества. К числу таких функциональных средств МФС относят лексический повтор, синонимическую замену, перифрастические выражения, употребление слов одной тематической группы, использование слов с временным, пространственным, оценочным и т. д. значением. Иными словами, существуют разнообразные способы соединения самостоятельных предложений. Но структурная сущность этой связи остается неизменной: элементы текста объединяются в одно целое посредством структурной соотнесенности членов смежных предложений.

Цель нашего исследования: проанализировать текстосвязующую роль перифрастической лексики в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках.

Как известно, перифраза (или перифраз, парафраза / парафраз) (от греч. *periphrasis* «окольная речь») представляет собой описательный оборот для замены какого-либо общепринятого наименования. В словаре литературоведческих терминов квалифицируется как «один из тропов, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки, как правило, наиболее характерные, усиливающие изобразительность речи» [2, 267].

Прежде всего, отметим, что перифрастическая лексика отличается полифункциональностью, в связи с чем неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов (с сожалением, правда, приходится констатировать, что не российских финно-угроведов). В последние годы она анализировалась с различных точек зрения: а) в аспекте интерпретации семантических характеристик (Л. К. Жулинская, В. И. Заботкина, А. М. Кацев, Н. Г. Комлев, Л. П. Крысин, В. П. Москвин, А. Б. Новиков, Ю. С. Степанов, Е. И. Шейгал и др.); б) с позиции стилистического средства языка (Л. В. Грехнева, В. П. Григорьев, А. С. Елизаров, А. Н. Кожин, Е. П. Сеничкина, Л. Н. Синельникова, М. Р. Цараева и др.); в) в прагматическом аспекте (Т. С. Бушуева, Т. И. Бытева, Н. А. Есменская, В. С. Соловьёва и др.) и т. д. Абсолютно права Л. В. Грехнева, когда утверждает, что перифраза, переживая «взлеты и падения», «существует как неотъемлемый элемент художественной, разговорной, публицистической речи. При этом она всегда остается современной, чутко откликаясь на речевые потребности и вкусы общества» [3]. По отношению к слову перифраза вторична, так как всегда именует объекты, уже поименованные; по отношению к объекту и к субъекту номинации она описательна; по характеру номинации может быть образной и логической.

Как было уже указано выше, перифрастические выражения играют большую роль в создании связности текста и относятся к имплицитному типу смыслового повторения.

В тексте одно и то же явление, лицо, признак и целая мысль в процессе развития сюжета, образа могут быть названы несколько раз по-разному, с помощью дублирующих повторов, которые, как отмечает В. С. Соловьёва, «соотносятся с конкретной единицей текста как определяющее с определением» [4, 63]. Как известно, это явление носит название кореференции. Лексическая близость определенных членов смежных предложений и служит показателем их структурной соотнесенности. В отличие от лексического повтора в этом случае часть структуры, предназначенная для повторения в последующем компоненте текста, заменяется или синонимами, или перифразами. Структурные же отношения в предложениях такие же, как и в предложениях с лексическим повтором. Мы встречаемся с теми же соотношениями, которые являются общими для всех разновидностей цепной (последовательной) связи: «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «дополнение – подлежащее», «дополнение – дополнение» и т. п.

Перифрастические выражения, указывает В. С. Соловьёва, выполняют «роль усиления экспрессии», являются «средством конденсирования модальности (подчёркивают, актуализируют точку зрения говорящего), активизируют внимание читателя, конкретизируют художественный образ и выражают позицию автора по отношению к этому образу, т. е. усиительная и эмоционально-экспрессивная роль» таких рядов «сочетается с оценочно-характеризующей и прагматической» [4, 67].

По своим значениям группы перифраз близки со многими синонимическими рядами. Некоторые ученые полагают, что это чуть ли не тождественные явления. Подобной точки зрения придерживается, например, Ю. С. Степанов. Он, в частности, подчёркивает: «По-

сколькx наиболее обычный тип синонимии – синонимия по смыслу, <...> то в широком смысле любая группа синонимов – это одновременно и группа перифраз <...>» [5, 201].

Мы же считаем, что не все перифразы могут быть синонимичными, хотя в контексте они достаточно близки друг другу. Следует помнить, что эти слова расходятся в своих значениях, сохраняя лишь общность определяемого имени и способность выражать оценочное значение или позицию пишущего, его точку зрения. Ю. С. Степанов указывает: «Под перифразой понимаются такие отношения между двумя единицами, когда сохраняется тождество денотата – обозначаемого предмета или ситуации, но меняется смысл, или сигнификат» [5, 201]. Синонимы же сохраняют признаки перифраз, но в отличие от них всегда объединены общим значением.

Перифразы так же, как и синонимы, не только дают своеобразную характеристику лица или предмета, но одновременно с этим выполняют синтаксическую функцию: они объединяют смежные предложения в смысловое целое. При этом в языковом сознании автора в процессе создания перифразы происходит перекодирование смысла с прямого способа его выражения на иносказательный, соответственно в языковом сознании читателя при восприятии перифразы происходит перекодирование этого же смысла с иносказательного способа его выражения на прямой.

Перифразы могут быть как контактными, так и дистантными. В их качестве используются как отдельные слова, так и целые словосочетания. В функции распространителей в последних обычно выступают качественные или относительные имена прилагательные, причастия, местоимения (чаще всего, указательные и притяжательные) и т. д. Распространители, кроме обособленных приложений, всегда располагаются в препозиции, что объясняется порядком слов в мордовских языках, где определение традиционно предшествует определяемому слову.

В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках при перефразировании в большинстве случаев в роли одного из соотносящихся членов (чаще всего, первого) выступает собственное имя существительное. Эти модели образуются на основе прономинализации (от лат. *pro-nominatio* «переименование») – стилистического приема, состоящего в замене собственного имени нарицательным или нарицательного – собственным.

Рассмотрим наиболее характерные структурные виды цепной (последовательной) связи посредством перифрастической лексики в мордовских (мокшанском, эрзянском) языках. Ведущее место среди них занимают те, которые связаны с повторением подлежащего или дополнения, что объясняется, по всей видимости, большой ролью в мордовском синтаксисе субъектно-объектных отношений:

1) «подлежащее – подлежащее»: мокш. Валентина Степановна сьака шиня сась урокс котоце классу, коса тонафнесь Анна Васильевнаны стирец. Шабась шаф ёфси стама шамса <... > [6, 130] «Валентина Степановна в этот же день пошла на урок в шестой класс, где училась дочь Анны Васильевны. Ребенок был одет точно в такую же одежду <... >»; эрз. Каладо ридвансо озадо кунсолось эйсэнзэ [Сашань] Трофимгак. Атясь мельспаросоль [7, 23] «Сидя на сломанном тарантасе, слушал ее [Сашу] и Трофим. Старик радовался».

В первом примере (на мокшанском языке) подлежащему, выраженному нарицательным именем существительным в форме номинатива притяжательного склонения, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме номинатива указательного склонения. Во втором примере (на эрзянском языке) подлежащему первого предложения, выраженному именем собственным, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме номинатива указательного склонения.

Важной особенностью рассматриваемого структурного типа является положение подлежащих на стыке компонентов – в конце предшествующего и в начале последующего. Именно при таком порядке слов подлежащее первого компонента выступает в качестве предиката («нового»), который в следующем предложении играет роль субъекта («нового»). При

другом порядке слов (подлежащее в начале компонентов текста) связь становится параллельной;

2) «подлежащее – дополнение»: мокш. А вов и сонцьке азоровась Рая <...> Аватъ эрьхтезе паралич <...> [8, 14] «А вот и сама хозяйка Рая <...> Женщину разбил паралич <...>»; эрз. Фёдор Андреевич пильге сур лангсо ютась икельць кудонтень, косо чувтонь келей таркасо удось покшкезэ, Мишутка. Цёркантень мольсь кавксоце ие <...> [9, 21] «Фёдор Андреевич на носочках прошёл в переднюю избу, где на широкой деревянной кровати спал его старшенький, Мишутка. Мальчику шёл восьмой год <...>».

В первом примере выраженному собственным именем подлежащему, завершающему первый компонент единства, соответствует дополнение второго предложения, выраженное нарицательным именем существительным в форме генитива указательного склонения, во втором – подлежащему, распространенному обособленным приложением, соответствует дополнение второго предложения, выраженное нарицательным существительным в форме датива указательного склонения;

3) «дополнение – подлежащее»: мокш. Омбокса ни Краюхин максозень вожиятнень Васянянди, сонць тусь ялга. Шабась сяшкава кенярдсь <...> [8, 11] «Во второй раз Краюхин отдал вожжи Васе, сам пошел пешком. Ребенок так обрадовался <...>»; эрз. Сон [Гарузов] панжинзе сельмензэ ды неIZE велькссэнзэ комазь Татьяна Михайловнень. Авась ульнесь исень жо ашо платиясонть, ды Гарузовнень васень шкастонть марявсь: сон таго ашти госпитальсэ <...> [10, 395] «Он [Гарузов] открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Татьяну Михайловну. Женщина была во вчерашнем же белом платье, и Гарузову в первое время показалось: он снова лежит в госпитале <...>».

В обоих случаях дополнению первого предложения, выраженному собственным именем, соответствует подлежащее второго предложения, выраженное нарицательным существительным в форме номинатива указательного склонения;

4) «дополнение – дополнение»: мокш. <...> тевоньконь вятэмс сави примамс устав. Тя кагодса эряви сембе ширде няфтемс, кода кармайтхь пялькстома тячиень шить ушедомста фкя-фкянь мархта заводса руководителхне и производстваса покости работникне [11, 27] <...> для ведения дел придется принять устав. В этой бумаге надо со всех сторон показать, как будут соревноваться с сегодняшнего дня между собой руководители завода и занятые на производстве работники»; эрз. Мейле мольсь [Таня] кроватень ваксс, кепедизе празь вельтявксонть, копачизе удыця церынензэ, чевтестэ палызе. Лешаненьгак эзь учово тетязо <...> [7, 28] «Потом подошла [Таня] к кровати, подняла упавшее одеяло, укрыла спящего сына, мягко поцеловала. Леше тоже не удалось дожидаться отца <...>».

В первом примере заимствованное имя существительное в форме номинатива основного склонения заменяется именем существительным в форме инессива указательного склонения, который распространен указательным местоимением, во втором – нарицательное имя существительное в форме генитива указательного склонения заменяется собственным именем в форме датива основного склонения.

Как известно, при оформлении цепной (последовательной) связи посредством лексического повтора связь «дополнение – дополнение» является самой распространенной. При перифразировании она малоупотребительна. Здесь самым используемым видом становится связь «подлежащее – дополнение».

Очень часто перифрастическая связь, помимо своей основной функции соединения предложений, служит и целям создания образной речи. Образные перифразы основаны на метафоре или метонимии. По степени номинативной адекватности они относятся к числу так называемых «неточных» перифраз, фиксирующих несущественные признаки объектов. Автором в этом случае не только описывается объект номинации, но и выражается его эмоционально-оценочное отношение к нему, при этом оценочным становится уже само обращение к перифрастическому выражению. Используя перифразу, говорящий (пишущий) особым образом выделяет номинируемый объект и, соответственно, оценивает его: Зярдс соборонь баягатне чатьмоньгадсть, моразевсь монастырень хорось. Раужосо оршазь сядо атят ды атинеть

<...> серьгедсть «Верую» [9, 13] «Когда замолчали колокола собора, запел монастырский хор. Одетые в черное сто стариков и старичков <...> крикнули "Верую"». Связь между компонентами «подлежащее – подлежащее»; Эрзятнень ютксо <...> седе пек бажить биляронь сиянь дирьгемтненень. Сиянь ярмаконтень покш питере а эряви, сон кекшеви зепскак [12, 150] «Среди эрзян <...> большинство стремится к болгарским серебряным дирхемам. Серебряной монете большого короба не надо, ее и в карман спрячешь». Объединение этих компонентов осуществляется соотношением «дополнение – дополнение». Стилистическое назначение перифрастической связи в этом примере – разнообразие речи. Это одна из важнейших функций подобного вида связи.

Перифразы, являясь вторым, образным наименованием того, что уже имеет номинацию, служат сигналами синсемантии предложений, правда, сигналами особого рода. Они сами требуют опоры на предшествующий контекст для раскрытия своего прямого значения. Предложение с перифразой синсемантично, но несколько с ослабленной синсемантичностью, так как оно, если изолировано из контекста, характеризуется некоторой неопределённостью смысла. Признак же неопределённости следует считать одним из признаков синсемантии.

Как показали наблюдения над произведениями мордовских (мокшанских / эрзянских) авторов, перифрастическая лексика достаточно часто используется для объединения компонентов текста. Это очень удобный вид связи, так как каждый последующий член соотносительного ряда выполняет двоякую функцию: он не только соединяет отдельные предложения в целое, но и дает возможность избежать тавтологии, служит опорой для введения новой информации. В каждом таком повторе единица текста получает новые оттенки денотативного или коннотативного значений.

Литература

1. Лосева Л. М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 98 с.
2. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
3. Грехнева Л. В. Функции перифрастической номинации // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика : межд. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 1. С.160-162.
4. Соловьёва В. С. Синонимический повтор и его функции в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1991. № 1. С. 63-68.
5. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семасиологическая грамматика). Изд. 3, стереот. М.: Изд-во Едиториал URSS, 2004. 360 с.
6. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2007. № 4. 144 с. Мордов.-мокша яз.
7. Разгуляева Т. Певердезь човалят: евтнемат, новеллат, миниатюрат, ледстнемат, прозасо баснят. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 80 с. Мордов.-эрзя яз.
8. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1995. № 10–11. 144 с. Мордов.-мокша яз.
9. Доронин А. М. Баягань сулейть: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 480 с. Мордов.-эрзя яз.
10. Абрамов К. Г. Качамонь пачк: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 556 с. Мордов.-эрзя яз.
11. Мокша: литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2010. № 9. 144 с. Мордов.-мокша яз.
12. Абрамов К. Г. Пургаз: роман-ёвтамо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с. Мордов.-эрзя яз.